

ПОЭТИКА ПОРЯДКА В «МЫСЛЯХ» ПАСКАЛЯ

Статья посвящена описанию архитектоники «Мыслей» Блеза Паскаля. «Мысли» — неоконченный, незавершенный текст, состоящий из фрагментов. Нахождение его смысла возможно на основе так называемой поэтики порядка, обоснованной самим автором произведения. За отправную точку рассуждения взята жанровая оптика апологии.

Ключевые слова: Блез Паскаль, «Мысли», поэтика, порядок, архитектоника, фрагмент, тематика, апология.

C. Yu. Kashlyvik
Poetics of "order" in Pascal's "Pensées"

The article deals with the architectonic of Blaise Pascal's "Pensées". "Pensées" is the text combined with fragments. Its plot may be found in poetics of "order". The thematical and compositional center is the genre of apology.

Keywords: Blaise Pascal, "Pensées", poetics, order, architectonic, fragment, theme, apology.

Блез Паскаль (1623–1662) неотделим от литературной современности Франции XVII в. Каждая из культурных эпох, прошедших после Паскаля, предлагает собственное прочтение его главного произведения — «Мыслей». Три века издатели, писатели и философы, верующие и атеисты спорили о «Мыслях» и об их авторе. Так сложилась целая «плеяда Паскалей»: Паскаль назидательный (издание Пор-Рояля, аббата Боссю), Паскаль-атеист (выбранные места из «Мыслей», изданные д'Аламбером или Вольтером), Паскаль-суеверный, почитатель «амулета» (Кондорсе), Паскаль-скептик (Кузен), Паскаль — байроновский романтик, «родной брат» Рене, Вертера и Гамлета (Шатобриан), Паскаль-эклектик (Аве), Паскаль разочарованный (Шестов), Паскаль-рационалист (Молинье), Паскаль-протестант (издание

* Кашлявик Кира Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Нижний Новгород, kachlavi@rambler.ru

Астье), Паскаль-янсенист (Брюнетьер, аббат Бремон), Паскаль-антиянсенист (Блондель) [12, с. 1–2], Паскаль-картезианец, антикартезианец, марксист, экзистенциалист, величественный мизантроп, не считая паскалевских вариаций Сюареса, Жида, Валери, Пеги, Мориака [15]. Реконструкция мысли Паскаля представляется сложнейшей задачей, с которой сталкиваются не только исследователи, но и читатели, открывающие «Мысли».

Хотя «Мысли» — текст неоконченный, его можно отнести к образцовым произведениям. «Мысли» — книга, которая осталась незавершенной не только из-за смерти автора, но, по мысли С. С. Аверинцева, «по каким-то собственным внутренним законам: с точки зрения традиционной концепции жанра книга без жанра, книга нескладная, несостоявшаяся, так сказать, не книга, не литература, которая, однако, оказалась самым жизненным шедевром века» [1, с. 113]. Пограничное состояние произведения, выделенное Аверинцевым, как оппозиция книге без жанра, нескладная, несостоявшаяся / не книга, не литература с точки зрения жанровых теорий Нового времени включает в себе возможность рассуждения о соотношении «текста» и «произведения» в поэтике Паскаля.

С одной стороны, есть материальный текст, рукописи Паскаля, «одна из образующих сложной художественной структуры», «один из компонентов художественного произведения» [6, с. 37–38]. С другой — художественным произведением, произведением литературы его делают идейно-эстетические представления, например, его первых издателей, введших «Мысли» в ореол литературы XVII в.

Рассуждая о жанре, в котором мог быть написан последний паскалевский текст, часто упоминают об апологии. Отсюда и второе гипотетическое название произведения — «Апология христианской религии» (*Apologie de la religion chrétienne*). Слово «апология» отсутствует в произведении Паскаля. Возможно, его слово, бытовавшее в XVII в., — «книга или речь, написанная в оправдание кого-либо» (*un livre ou discours fait pour justifier quelqu'un*) (*Dictionnaire de Furetière*, 1690. Цит. по: [13, р. 757]), — в полной мере не отвечало замыслу автора. Однако свидетельства современников, история замысла вкупе с многочисленными фрагментами текста позволяют вписать эту незаконченную книгу в контекст литературного и теологического жанра апологии.

Анализируя «Мысли» в апологетической традиции, протоиерей Александр (Чистяков) указывает на частотность апологий в конце XVI — начале XVII в. Интенсивность жанра связана с ситуацией, возникшей во Франции в период с 1594 по 1662 г.: с религиозными войнами, контрреформой, а также с появлением нового типа интеллектуала — «либертина» (*libertin*) [11, р. 241–257]. В этом контексте «Мысли» имеют содержательные и стилистические «антимодели» и «модели» [11, р. 257–286]. Паскаль действительно упоминает в «Мыслях» апологетов раннего христианства. Так, вспоминает он Иустина Философа. В истории церковной литературы Иустин Философ, цитируемый и почитаемый Паскалем, является одним из создателей жанра апологии:

L 485/S720 Если бы его не отозвали в Египет домашние заботы, он разорил бы Селевку еще успешнее, говорит Юстин; И вознамерился он стать господином всего египетского царства [7, с. 219] (*s'il n'eût point été rappelé en Egypte*

par des raisons domestique, il aurait entièrement dépouillé Seleucus, dit Justin; Et ainsi il pensera à se rendre maître de tout l'empire d'Egypte (méprisant la jeunesse d'Epiphane, dit Justin) [18, p. 1268]).

Обращаясь к Тертуллиану, Паскаль вновь указывает на традицию апологии:

L 868/S440 Тертуллиан: *nunquam ecclesia reformabitur* [7, с. 317];

L 970/S417–418 Тертуллиан: (Ной) мог точно так же восстановить в уме книгу (Еноха), уничтоженную яростью потопа, как Ездра мог это сделать со всеми еврейскими книгами, уничтоженными во время Вавилонского пленения («Об одежде женщин», I, 3) [7, с. 471] (Tertullien: *Perinde potuit abolefactam eam violentia cataclysmi, in spiritu rursus reformare: quemadmodum et Hierosolymis Babylonia expugnatione deletis, est omne instrumentum Judaicae litteraturae per Esdram constat restauratum. Tert. livre I, De cultu feminarum, c. 3* [18, p. 1033]).

Из ранних апологетов христианства, память жанра трудов которых повлияла на формо-содержательное единство «Мыслей», принято также называть «Сентенции» Сикста и «Строматы» Климента Александрийского [11, p. 319].

Паскаль упоминает и о современниках, отдавших дань жанру апологии: сухо о последователе Монтеня, «крупнейшем из моралистов конца XVI века», «знаменитом католическом проповеднике, авторе богословского трактата “Три истины”» (“*Les Trois vérités*”, 1593), в котором защищал истинность существования бога — против атеистов, истинность христианства — против “неверных”, и истинность католицизма — против протестантов» Пьере Шарроне [4, с. 334]:

L 780/S644 Предисловие к первой части. Поговорить о тех, чьим предметом было познание самих себя, о делениях Шаррона, удручающих и скучных [7, с. 287] (Préface de la première partie. Parler de ceux qui ont traité de la connaissance de soi-même; des divisions de Charron, qui attristent et ennuient [18, p. 1171]);

и пунктирно о Гроции:

L 498/S736 Два храма славы. И.Х. придет. Агг. 2.7.8.9.10. Малахия. Гроций [7, с. 230] (Le second temple glorieux, Jésus-Christ y viendra: Aggée, II, 7-8-9-10; Malachie. — Grotius [18, p. 1290]).

К близкому кругу влияний на «Мысли» относят также апологетические труды Мерсенна, Сено и Сийона [11, с. 258]. Как и предшественники, Паскаль высказывается против сугубо рационального объяснения веры. Однако в «формустремлении» замысла он вполне самостоятелен [10, с. 573].

Размышление *In cordibus vestris* о выборе апологетического языка ведет его к Библии:

L 303/S334 Ремесленник говорит о богатстве, судейский рассуждает о войне, о королевском сене и т. д., но хорошо о богатстве говорит богатый, король спокойно говорит об огромном даре, который только что сделал, а Бог хорошо говорит

о Bore [7, с. 162] (Un artisan qui parle des richesses, un procureur qui parle de la guerre, de la royauté, etc. Mais le riche parle bien des richesses, le roi parle froidement d'un grand don qu'il vient de faire, et Dieu parle bien de Dieu [18, p. 997]).

Стилевой моделью для Паскаля становится Библия.

Внутри «Мыслей» потенциал апологии жанрово обнаруживает себя в пластах текста, сосредоточенных на защите и доказательстве христианского видения мира. При этом «Мысли» не являются жанровым синонимом «Апологии».

«Мысли» — название условное, не дающее целостного представления о произведении. В контексте творчества Паскаля название «Pensées» подразумевает мнение, взгляд и замысел одновременно.

В жанровом отношении «Мысли» не имеют точных аналогий в истории литературы и если сравниваются, то с «Опытами» Монтеня. Они также обладают непринужденной манерой повествования, ведут к размышлениям над насущными вопросами бытия, о природе человека и о повседневной жизни.

В «Мыслях» Паскаль обращается к проверенному в «Письмах к провинциалу» жанру письма — письма-диалоги и письма-речи, обращенные к неверующим, очерчивает стилистические векторы, требующие других жанровых форм: философские размышления, ироничные зарисовки о природе человека, поэтические пассажи о мироздании, сказовые новеллы, притчи (L 113, 434/S145, 686), длинные максимы (L 48/S81), максимы-сентенции (L 412/S31), пословицы (L 60, 77/S94, 112) [19, p. 136–137].

Стоит отметить, что в истории французской литературы XVII в. восприятие «прерванного дискурса изменяется... в 60-е годы», после того, как в 1663 г. де Ларошфуко «запустил» в хождение рукописные варианты «Максим» перед тем, как издать их [14, p. 110]. Он как будто проверял функциональность кратких формул мысли и подготавливал читателей к их восприятию, так как в словесности, по мнению Ж. Лафона, «прерванный дискурс очень долгое время считался не чем иным, как неудачей содержания» [14, p. 114]. Таким образом, фрагментарность «Мыслей» отражает эстетические направления словесности века.

Однако «Мысли» — не сборник цитат и афоризмов, но текст в становлении, где каждый фрагмент (мысль) обладает не только логическим содержанием, но и определенным количеством динамической энергии, направленной на поиски структуры и порядка произведения [12, p. 5].

Здесь уместно вспомнить «замечание Ц. Тодорова о том, что истинный шедевр всегда создает собственный, уникальный жанр» [9, с. 8]. Паскалевский текст — это синтез жанров, обладающий романским многоголосием. При этом доказательство того, что христианская религия

L 12/S46 заслуживает почтения, потому что хорошо знает человека. Привлекательна, потому что обещает истинное благо [7, с. 82] (la religion chrétienne vénérable parce qu'elle a bien connu l'homme. Aimable parce qu'elle promet le vrai bien [18, p. 846]),

a priori основано, по мысли Менара, «на существовании нескончаемой диалектики и на разрешении противоречий в христианском откровении и в личности Иисуса Христа» [16, р. 365].

Целеполагание изображения ценностей христианского мира находит отражение в архитектонике «Мыслей».

«Апология христианской религии» — двусоставное произведение. Рисунок замысла делится на литературную и теологическую части [17, р. 29]:

- [1] Порядок [11] Д. П.-Р.
- [2] Суета [12] Начало
- [3] Ничтожество [13] Покорность и сила разума
- [4] Скука [14] Преимущество
- [5] Мнения целого народа [15] Переход
(зачеркнуто)
- Причина вещей [15 bis] Природа испорчена
- [6] Величие [16] Ложность других религий
- [7] Противоположности [17] Сделать религию
привлекательной
- [8] Развлечение [18] Основания
- [9] Философы [19] Иносказательный закон
- [10] Высшее благо [20] Равнины
- [21] Бесперывность
- [22] Доказательства Моисея
- [23] Доказательства Иисуса
Христа
- [24] Пророчества
- [25] Особые иносказания
- [26] Христианская мораль
- [27] Заключение.

Связующим звеном в сочетании литературной и теологической частей является тематический раздел [15] «Переход» («Transition»), повествующий о

L 199/S230 «соединении вещей духовных с телесными» и представляющий попытку автора, вслед за Блаженным Августином, объяснить «менее всего понятное»:

L 199 <...> Глядя, как мы соединяем вещи духовные с телесными, можно подумать, что такая смесь должна быть легко доступна нашему пониманию. Однако она нам менее всего понятна; человек для самого себя — самый загадочный предмет во всей природе, ибо он не может представить себе, что такое тело, и еще меньше — что такое дух, а менее всего — как тело может соединяться с духом. Вот предел сложности, а между тем это его собственное существо: «modus que corporibus adherent spiritus comprehendere ad hominem non potest, et hoc tamen homo est» [7, с. 136].

Раздел состоит из заметок, тематически соединяющих переход от первой части ко второй. Последующие за «Переходом» разделы переводят размышления на иной уровень. По мнению Селье, произведение Паскаля должно

было обрамляться общим вступлением, вступлениями к каждой из частей и заключением.

Первая часть, по реконструкции Эрнста, открывается разделом *Порядок (Ordre)*, состоящим из двенадцати фрагментов [12, р. 17–47].

Темы фрагментов соотносятся с тематикой всей первой части: несправедливость людей; мировые религии — Магомет, Христос; развлечения; поиск доказательств верности христианской религии; благодать; тщета наук; ничтожество человека; бессилие философов; план и части задуманного произведения [7, с. 80–82].

Самое частотное слово раздела — *порядок (ordre)* (5 раз). «Порядок» показывает становление порядка как выражение замысла, основанного на системе координат веры. Обращает на себя внимание L 2 *Диалогический порядок (Порядок через диалоги) (Ordre par dialogues)*, что показывает поиски автором метода и формы сочинения. Кроме жанровой формы «диалоги» (*dialogues*), Паскаль пять раз упоминает об эпистолярной форме как жанровой возможности выстраивания первой части:

L 4 Письмо, побуждающее к поискам Бога / *Lettre pour porter à rechercher Dieu*;

L 5 Порядок. Увещательное письмо к другу, чтобы подвинуть его на поиски / *Une lettre d'exhortation à un ami pour le porter à chercher...*;

L 7 Письмо, указывающее на пользу доказательства. Через Машину / *Lettre qui marque l'utilité des preuves, par la machine...*;

L 9 В письме можно поговорить о несправедливости / *Dans la lettre de l'Injustice...*;

L 11 Порядок. После письма о необходимости поисков Бога написать письмо об удалении препятствий (*Après la lettre qu'on doit chercher Dieu, faire la lettre d'ôter les obstacles*).

Диалогичность «Апологии» Паскаля на жанровом уровне выражается в диалогах и эпистулах.

Интуиция апологета и опыт «Писем к провинциалу» подсказывают автору, что, вступив в *диалогический порядок*, собеседник переродится из «человека без Бога» в «человека с Богом». Здесь прослеживается двусоставная архитектура «Мыслей». Замысел должен быть раскрыт через природу («*par la nature*») и через Писание («*par l'Écriture*») [12, р. 39]:

L 6/S40 Первая часть: Несчастье человека без Бога.

Вторая часть: Радость человека с Богом.

иначе

Первая часть: что природа испорчена самой же природой.

Вторая часть: что есть Исцелитель, согласно Писанию [7, с. 81]

(*Première partie: Misère de l'homme sans Dieu.*

Deuxième partie: Félicité de l'homme avec Dieu.

autrement

Première partie: Que la nature est corrompue, par la nature même.

Deuxième partie: Qu'il y a un Réparateur, par l'Écriture [18, р. 844–845]).

Паскаль продумывает архитектуру перехода от видимого (человек и его природа) к невидимому (к вере, Исцелителю) в традиции двух уровней толкования Писания Блаженным Августином — от буквального к символическому [20, р. 517–572].

Автор формально и содержательно постулирует во Вступлении «диалогический порядок», то, что М. М. Бахтин называл «диалог на пороге» [3, с. 494]. Паскалем найден тип адресата/собеседника, очерчен общий рисунок апологии и ход доказательств.

Каждая из частей апологии должна была открываться предисловием.

Человеческая природа и ее испорченность — *Несчастье человека без Бога <...> иначе <...> что природа испорчена самой же природой* становятся главными темами первой части. Темы и мотивы разделов первой части — *Суета; Ничтожество; Скука; Мнения целого народа; Причина вещей; Величие; Противоположности; Развлечение; Философы; Высшее благо, Начало, Покорность и сила разума; Преимущество* — рассматривают разные формы бытия мужчин и женщин, изображают человека и жизнь. В первой части показана драма человеческого сердца с его страстями, ничтожеством и величием. Здесь, как через два столетия в «Человеческой комедии» О. де Бальзака, «философские этюды», «аналитические этюды» и «этюды о нравах» должны были развернуться в эпопею о человеческой природе и обществе. Тематика первой части включает в себе матрицы развития романного слова на французской почве. Паскаль-писатель, подобно Шекспиру, помещает собеседника и персонажей в ситуацию спасения. В перспективе истории французской прозы такая точка зрения автора поднимает тему теологии романного слова. Антропоцентричный жанр апологии Нового времени сродни теологическому роману. В «Мыслях», книге несостоявшейся, есть все потенциалы бытования письменного слова Нового времени — слова профанного и слова сакрализующегося, бегущего овеществления. Это чутко восприняли О. де Бальзак, В. Гюго, писатели-католики и особенно П. Клодель.

Предисловию к первой части соответствует эскиз L 780/S644 фрагмента *Préface de la première partie* [18, р. 1171] (*Предисловие к первой части* [7, с. 287]). Писатель конкретизирует тему о философах, пирронистах и догматиках, начатую в общем вступлении к апологии.

Для Паскаля «так же как для Сен-Сирана и Янсениуса, философия “всегда была матерью еретиков”» [20, р. 534–535].

Вторая часть — *Радость человека с Богом <...> иначе <...> что есть Исцелитель, согласно Писанию* посвящена способам нахождения ответов на вопросы, заданные первой частью Апологии. Словарь названий разделов свидетельствует о теологической тематике второй части: *Переход; Природа испорчена; Ложность других религий; Сделать религию привлекательной; Основания; Иносказательный закон; Высшее благо; Равнины; Беспрерывность; Доказательства Моисея; Доказательства Иисуса Христа; Пророчества; Особые иносказания; Христианская мораль; Заключение*. В содержании есть традиционные тематические разделы. К ним можно отнести августиновские формулы *Природа испорчена; Высшее благо; канонические Основания; Равнины;*

Пророчества; Особые иносказания; Христианская мораль; Иносказательный закон, где речь идет о принципах толковании Писания. Есть части, в которых Паскаль-писатель обращается к богословию на свой манер. Имея цель Сделать религию привлекательной, Паскаль выстраивает рассуждения как доказательства в духе математического ума: Бесперывность Доказательства Моисея; Доказательства Иисуса Христа, Заключение.

Замысел второй части, по текстологической реконструкции Ф. Селье, рассказан автором в L 780, 781/ S644 фрагменте и дополнен L 449/S690 фрагментом [21, р. 67–69]. Второе предисловие должно было повествовать о тех, кто касались этого предмета [познания Бога], с тех пор как испортилась человеческая природа. Паскаль намечает экзистенциальные темы для дальнейшего самопознания читателя.

Испорченность собственной природы оборачивается для человека инстинктивным и одновременно мистическим предощущением скрытого Бога (Dieu caché). Так переводит Паскаль знаменитую строку из пророка Исаии — *vere tu es deus absconditus* [Истинно Ты — Бог сокровенный] [7, с. 288].

Прерванная коммуникация, именно «communication», слово из технического словаря теологии, звучит у Паскаля, может быть восстановлена только через Иисуса Христа. При введении темы Иисуса Христа меняется стилистический регистр повествования. Обращаясь к читателю-собеседнику, чей слух подготовлен к пониманию веры, Паскаль использует «великолепное лирическое славословие» [21, р. 74]:

L 449/S690 Христианская религия не заключается в Боге — простом творце геометрических истин и круговорота стихий; это участь язычников и эпикурейцев. Она не заключается только в Боге, распространяющем Свой промысл на жизнь и блага человеческие и дарующему череду счастливых лет тем, кто Ему поклоняется; это удел иудеев. Но Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, Бог христиан — это Бог любви и утешения; это Бог, который наполняет душу и сердце тех, над кем властвует; это Бог, который помогает им ощутить внутренне свое ничтожество и Его бесконечное милосердие; который проникает в глубины их душ; который наполняет их смирением, радостью, верой, любовью; который их делает неспособными иметь другую цель, кроме Себя Самого [7, с. 201–202].

Паскаль формулирует свою важнейшую тему математически точно. Это тема — *порядок сердца (l'ordre du coeur)* (L 298/S329) [21, р. 76].

В Предисловии ко второй части апологии подтвержден диалогический порядок и жанровые формы его выражения, найден также стилистический регистр — *порядок сердца*, необходимый для доказательного разговора с равнодушным к религии человеком.

Продуманный порядок апологии, общее вступление, предисловия к частям логически предполагали заключительные части.

В содержании апологии закономерно указан XXVII раздел *Заключение (Conclusion)*. Однако его тематика и жанровое наполнение не отвечают обширному заключению, симметричному общему вступлению. Завершение замысла можно соотнести с Прозопопеей L 149/S182 из XI раздела Д. П.-Р. Сокращение

«Д. П.-Р.» традиционно расшифровывают как «В Пор-Рояле» / «Для Пор-Рояля». Фрагменты, вошедшие в раздел, были написаны Паскалем для доклада, произнесенного перед «господами из Пор-Рояля» в 1658 г. Содержанием доклада, по воспоминаниям слушателей, стало изложение основных линий замысла апологии.

Корни художественного приема прозопопеи, выбранного писателем для изложения сути сочинения, уходят в ветхозаветную традицию Книги Притч Соломоновых (вспомним по ходу, что анаграмматические построения псевдонима Паскаля Соломон де Тюльи связаны с образом ветхозаветного царя Соломона). Автор повторяет темы и концепты апологии и апеллирует к божественному авторитету и перепоручает свой голос образу божественной Премудрости, «художнице», «строительнице, созидающей мир» [2, с. 159, цит. по: 8, с. 611]. Как и в ветхозаветной Книге, голос божественной Премудрости в «Мыслях» звучит «то скорбящим по поводу людского невежества и падения нравов, то неистово славящим разум, истину, взывающим к благоразумию»:

L 149/S182 «О, люди, — говорит она, — не ждите ни истины, ни утешения от людей. Я — та, что создала вас, я одна могу открыть вам вашу природу. Но теперь вы уже не таковы, какими я вас создала. Я сотворила человека святым, невинным, совершенным, наполнила его душу знанием и разумением, причастила его моей славе и чудесам. Око человеческое зрело тогда величие Божие. Тьма не ослепила его, и горести его не удручали. Но он не смог вынести такой славы, не впадши в гордыню. Он захотел сделаться средоточием для самого себя и не зависеть от моей помощи. Он отверг мое владычество и пожелал стать равным мне, ища свое блаженство в себе самом» [7, с. 120].

Прозопопея становится символом основной художественной идеи апологии — выразить порядок сердца. В прозопопее жанры «письма», «диалога», «рассуждения», выбранные для апологетического доказательства, становятся «единым целым» [8, с. 609].

Архитектоника как целеполагание и достижение цели одновременно в поэтике «Мыслей» понята как общий порядок и его смысловое наполнение. Общий порядок апологии разделен на две части: литературную и теологическую. Автор продумывает архитектуру перехода от видимого (человек и его испорченная природа) к невидимому (к вере, к Исцелителю). Это соотносится с традицией двух уровней (буквального и символического) толкования Писания, идущей от Блаженного Августина. В общем Вступлении к апологии (раздел «Порядок») писатель очерчивает общий план; выбирает «диалогический порядок» в качестве коммуникативного вектора; обозначает тип адресата, находит основные жанровые модели — «письмо», «речь», «рассуждение», «диалоги», необходимые для достижения цели.

Продуманный порядок апологии, общее вступление, предисловия к частям логически предполагали заключительные части. Незавершенный характер «Мыслей» позволяет извлечь заключительные замечания из многих фрагментов. Определенным символом художественной идеи апологии — выразить

порядок сердца можно назвать прозопопею (L 149/S182). Прозопопея гармонично сочетает «разрозненные поучения и афоризмы», темы и вопросы о человеке и ответы на них высшего авторитета. Это циклическое «повторение пройденного» [5, с. 87] можно рассматривать как завершение апологии.

Абрис архитектоники апологии дает посыл к целостному взгляду на незавершенный текст «Мыслей» и нахождению порядка произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. — М.: Наука, 1986. С. 104–116.
2. Аверинцев С. С. София // Аверинцев С. С. София — Логос. Словарь. Киев: Дух и Литера, 2000.
3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Собрание сочинений. — Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.) / Ред. С. Г. Бочаров, В. В. Кожин. — М.: Языки славянских культур, 2012. — С. 340–511.
4. Вишневский А. А. Литература периода гражданских войн (конец XVI в.) // История французской литературы. — Т. I. С древнейших времен до революции 1789 г. — М.; Л.: Академия наук СССР, 1946. — С. 304–334.
5. Десницкий А. С. Поэтика библейского параллелизма. — М.: ББИ, 2008. — 554 с.
6. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. — СПб.: Искусство-СПб., 2011. — С. 18–132.
7. Паскаль Б. Мысли / Пер. с франц., вступительная статья и комментарии Ю. А. Гинзбург. — М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1996. — 476 с.
8. Синило Г. В. Поэтика Книги Сэфер Мишлей (Притчей Соломоновых) // Синило Г. В. Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета). — М.: Флинта, МПСИ, 2008. — С. 608–613.
9. Чекалов К. А. Формирование массовой литературы во Франции. XVII — первая треть XVIII века. — М.: ИМЛИ РАН, 2008. — 247 с.
10. Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / Издание подготовили М. В. Акимов, И. А. Пильщиков, М. И. Шапир. Под общей редакцией М. И. Шапира. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 927 с.
11. Chistyakov Al. Les “Pensée” de Pascal dans la Tradition apologétique. Thèse pour obtenir le grade de docteur de l’Université Paris-Sorbonne. Littérature française. Le 23 novembre 2013.
12. Ernst P. Approches pascaliennes. L’unité et le mouvement, le sens et la fonction de chacune des vingt-sept liasses titrées. — Bruxelles: Editions J. Duculot, 1970. — 709 p.
13. Ferreyrolles G., Sellier Ph. Notice. L’évolution du projet d’apologie // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. — Paris: La Pochothèque. Garnier, 2004. Textes édités par G. Ferreyrolles et Ph. Sellier. D’après l’édition de Louis Cognet pour “Les Provinciales”. — 1506 p.
14. Lafond J. Des formes brèves de la littérature morale aux XVI et XVII siècles // Les formes brèves de la prose et le discours discontinu. Actes du Colloque organisé par le Centre d’étude de la Renaissance. — Tours, 1981. Etudes réunies et présentées par J. Lafond. — Paris: Librairie Droz, 1985. — P. 110–127.

15. Lioure M. Quelques écrivains du XX siècle lecteurs de Pascal // L'accès aux "Pensées" de Pascal. — Paris: Klincksieck, 1993. — P. 21–45.
16. Mesnard J. Pourquoi les "Pensées" de Pascal se présentent-elles sous forme de fragments? // La culture du XVII siècle. Enquêtes et synthèses. — Paris: PUF, 1992. — P. 363–370.
17. Mesnard J. Les "Pensées" de Pascal. — Paris: Sedes, 1993. — 444 p.
18. Pascal Bl. Pensées // Les Provinciales. Pensées et opuscules divers / Textes édités par G. Ferreyrolles et Ph. Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour "Les Provinciales". — Paris: La Pochothèque. Garnier, 2004. — P. 757–1449.
19. Sellier Ph. Rhétorique et apologie: "Dieu parle bien de Dieu" // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. — T. I. Pascal. — Paris: Honoré Champion, 1999. — P. 117–126.
20. Sellier Ph. Pascal et saint Augustin. — Paris: Editions Albin Michel, 1995. — 653 p.
21. Sellier Ph. Une Préface retrouvée de l'Apologie // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. — T. I. Pascal. — Paris: Honoré Champion, 1999. — P. 67–76.